

У моего приятеля Серёги было отличное ружьё-двустволка с гладким лакированным прикладом, с чеканкой на стволах. От ружья исходил едва уловимый запах пороха и масла. Мы с Серёгой откидывали стволы, по очереди смотрели на стенки, сияющие двумя радужными кольцами.

У меня тоже было ружьё, с виду похуже — древняя одноствольная берданка с самодельным прикладом. Правда, дед хвастал, что фабричный приклад он расшиб об лоб волка, но я не очень-то верил — старик любил приврать. Зато я, беря в руки берданку, представлял себя настоящим охотником, более удачливым и смелым, чем дед. Я был уверен, что когда-нибудь непременно добуду волка и брошу шкуру к ногам деда — пусть греет ноги.

Мы с Серёгой учились в седьмом классе, сидели за одной партой. Интерес к ружьям, к охоте сдружил нас. Из Серёгиного ружья мы стреляли каждый день.

Научились сами готовить патроны: по специальным меркам насыпали в гильзы порох, дробь, забивали бумажные пыжи. Потом выходили во двор и находили цель. Чаще всего палили по веткам, листкам бумаги, развешанным на кустах. Морозные ветки, сорванные свинцовым смерчем, с хрустом отламывались, медленно падали на землю.

Мы и не думали, что Серёгин сосед тоже заядлый охотник. Просто знали, что есть такой дядя Володя, который летом ездит на мотоцикле и с которым Серёга здоровается при встречах.

Уборная дяди Володи, маленькая неказистая будочка, давно манила стволы наших ружей, и вот однажды, когда, по нашим предположениям, дядя Володя и его жена были на работе, мы решили стрельнуть по этому сооружению.

— Давай! — сказал Серёга и сунул мне двустволку.

Я подбросил её на руках, прицелился. Серёга дышал над ухом, от волнения он привстал на цыпочки. Я внезапно оробел, опустил ружьё.

— Вдруг кто увидит?

— Ерунда! — торопил Серёга. — Никого нет, не бойся. Ничего не случится — дробинки в досках застрянут, никто не заметит.

Я выстрелил. Заряд дрови хлестанул по ветхому строению, сорвал фанерную крышу. Дверца треснула, отвалилась, повисла на одной петле.

— Вот это да! — удивился Серёга. — А ну дай я. Все равно уж...

Он взвёл курок и выстрелом из второго ствола отбил ещё пару досок.

— Пора смываться, — сказал он и вдруг замолчал: по огороду, в валенках и без шапки, бежал дядя Володя, размахивая кулаками.

— Это что же такое?! — вопил он. — Идите сюда, хулиганы! Живо!

Повинуясь его сильному голосу, мы пошли, неуклюже перева-
лились через низкую изгородь.

— Оружие стволом вниз! — приказал грозный сосед.

Серёга повиновался.

Дядя Володя покричал, пригрозил милицией, пообещал пожаловаться родителям. Он читал нам нотацию, а взгляд его всё чаще останавливался на Серёгином ружье. Наконец он взял его, рассмотрел, оценил как знаток.

— Ничего ружьецо... Ладно, вундеркинды, воспитаю из вас охотников, а сейчас пойдём за молотком и гвоздями... Артиллеристы!..

К вечеру уборную полностью реставрировали. Вернее, работал один дядя Володя, а мы крутились около, стараясь помочь.

— Видите, сколько из-за вас потерял времени? — повернулся он к нам.

Мы виновато опустили головы.

— Ладно. Теперь пойдём ко мне. Я добрый, зла не держу.

Он повёл нас в дом. Оказалось, что дядя Володя — давнишний охотник. У него была двустволка, чуть похуже Серегиной, патронташ, охотничий нож, набор покупных патронов, бинокль. Дядя Володя оказался действительно добрым человеком. С нами он был запанибрата, с ним было легко и просто. На прощание он снял с плиты кастрюлю с горячими пельменями, накормил нас:

— Ешьте, братцы, не стесняйтесь. У меня отгул, — пояснил он, — завтра тоже свободен. Хотите, свожу на охоту?

На охоту? Ещё бы! Мы с Серёгой давно мечтали познакомиться с бывалым человеком.

На другой день мы пришли к нему с утра. В доме был беспорядок, на столе возвышались пустые бутылки, стояла грязная посуда. Дядя Володя проснулся, пожаловался на головную боль.

— Гости были, — пояснил он, — приходите после обеда.

Время прошло незаметно. Мы вспомнили о Жучке, нашей общей собаке, и решили взять её с собой. С собакой, какая бы она ни была, идти на охоту гораздо солиднее.

Жучка была бродячей собакой. Она приходила на нашу улицу, играла с теми, кто её не обижал. Мы пробовали приручить Жучку: Серёга сажал её на цепь, но на привязи собака делалась печальной, ложилась на живот, клала морду на лапы. Однажды её хотели пристрелить как бродячую, но я спрятал её в сарае, тайком кормил.

Увидев Жучку, дядя Володя презрительно скривил губы:

— Разве это собака — это шалава!

С трудом уговорили его взять Жучку с собой. Мы с Серёгой собрались на охоту быстро — натянули под пальто свитера, завязали шеи шарфами, опустили у шапок уши. За плечи, как заправские охотники, забросили ружья дулами вниз.

Дядя Володя возился часа два. Он надел ватную стёганую безрукавку, сверху полушубок, опоясался двумя патронташами, достал кожаную сумку:

— Ягдташ! — пояснил он. — Охотничья сумка. В неё будем складывать добычу.

Но пока он положил в неё кусок сала, несколько яиц, пару огурцов, луковицу. Прихватил и бутылку водки.

— Это для сугрева! — щёлкнул он по горлышку посуды.

Потом искали белый маскировочный халат. Дядя Володя непременно хотел надеть его. Мятый медицинский халат висел на нём складками, и он долго сокрушался по этому поводу, хотел даже гладить.

— Дядь Володь, уже два часа, день кончается, — поторопил Серёга.

— Ты, сосед, не подгоняй. Настоящий охотник в любое время охотник! — важно заявил дядя Володя.

Совсем уж было пошли, как он вдруг спохватился:

— Бинокль!

Пришлось возвращаться и искать бинокль. Наконец мы встали на лыжи и отправились на охоту. У нас с Серёгой были обыкновенные лыжи, а у дяди Володи специальные охотничьи, похожие на доски и тупоносые. Он на них не ехал, а шёл. За селом, по снежной морозной корке, дядя Володя поехал легче.

— Ну что! — победно кричал он, когда мы с Серёгой отстали. — Чьи лыжи лучше?

Жучка бежала сзади. От дяди Володи она держалась подальше, потому что он всё время норовил стукнуть её лыжной палкой.

Приехали в небольшой лесок. Деревья росли по склонам оврага, а мы стояли на самой круче. Солнце краснело, готовилось опускаться за горизонт. Дядя Володя посмотрел на часы — была половина четвёртого. Он приложил к глазам бинокль, дал поглядеть нам. Интересно было разглядывать дальние перелески, но дядя Володя отобрал бинокль, снял с плеча ружьё, зарядил оба ствола и настороженно приложил палец к губам. Однако я ничего не слышал, хоть и поднял уши шапки.

— Нет, почудилось мне, — сказал дядя Володя.

Оглядываясь по сторонам, словно шпион, он неуклюже затопал на лыжах по краю оврага.

Жучка, приняхиваясь, запетляла по следам.

— А она не такая уж глупая, — удивился дядя Володя.

— Ещё бы! — поддержал я. — Знаете, какая она умная!

— Посмотрим... — буркнул дядя Володя.

Перед тем как съехать с горы вниз, я задумался — слишком крутым показался спуск.

— В чём дело? — крикнул дядя Володя. — Вперёд, орлы!

Затаив дыхание, я оттолкнулся палками, и только ветер в ушах засвистел. Следом съехал Серёга. Продавливая лапами снег и увязая по брюхо, сбежала вниз Жучка.

Дядя Володя кряхтел и медлил.

— Я, пожалуй, обойду кругом, — зашумел он сверху.

— Не бойтесь, съезжайте, — замахал руками Серёга и подмигнул мне.

Дядя Володя нерешительно помялся, вздохнул и шагнул вперёд. До середины спуска он ехал нормально, а на самом разгоне его правая лыжа за что-то зацепилась, и дядя Володя кубарем полетел вниз. В белом халате он был похож на снежный ком. В сугробе мелькали поочерёдно лыжные палки, бинокль, ягдташ.

Дядя Володя скатился к нашим ногам, бодро встал, начал отряхиваться.

— Вот вам и первое приключение, — попытался он улыбнуться. — Теперь вам понятно, что на долю охотника выпадают не только удачи? Здесь от человека требуется мужество, спокойствие души... Постой, где же ружье? Сто рублей ведь стоит! Ищите, хлопчики, ради Бога ищите!

Мы принялись искать двустволку. Темнело. Кончался короткий зимний день. Мы перерыли весь след, по которому летел вниз дядя Володя, и с трудом нашли ружьё. В стволы набился снег, и, чтобы прочистить их, дядя Володя бабахнул в воздух. Выстрелы раскатисто ухнули по оврагу. Мы тоже по разу стрельнули. Красные языки пламени красиво сверкнули в надвигающихся сумерках. Запахло сторевшим порохом, и ко всем троим пришёл охотничий азарт.

— Кого бы застрелить? — хрипловато сказал дядя Володя.

Застрелить было некого. Я впервые был на охоте и рассчитывал увидеть в лесочке множество зайцев, лисиц и даже волков. Хоть волка встречать было страшновато, но рядом находился дядя Володя, бывалый охотник.

— Перекур! — объявил он, доставая из сумки все припасы, водку, раздвижной пластмассовый стаканчик.

Вынул из ножен длинный блестящий нож, нарезал сало, огурцы.

Закусили мы с аппетитом. Дядя Володя выпил почти всю бутылку, запьянел и рассказывал нам о том, сколько он на своём веку перестрелял кабанов, зайцев и лис.

— Темно, — поёжился Серёга, — пора домой.

— Эх, салаги! С вами только на охоту ходить, — поднял сумку дядя Володя. — Ладно, пошли.

Одолели половину пути. Дядя Володя часто падал, глаза его осоловели. Мы с Серёгой то и дело поднимали его. Жучка бежала впереди, обнюхивая чьи-то следы.

— Мышей чует, тварь, — сплюнул дядя Володя и дёрнул ружье за ремень.

Потом остановился, непослушными пальцами достал из кармана папиросу. Долго прикуривал. У него ломались спички, гасли на ветру.

— Чья всё-таки собака? — спросил он, покачиваясь. — Твоя? — ткнул пальцем в Серёгу.

Тот отрицательно покачал головой.

— Твоя? — повернулся ко мне.

— Ничья. Наша... Она хорошая!

— Хорошая? — усмехнулся дядя Володя. — Чем же она хорошая? Ну, скажи — чем?

Дядя Володя начал стаскивать с плеча ружье с налипшими к стволу кусочками мёрзлого снега. Я думал, он хочет перевесить его на другое плечо, но вместо этого дядя Володя выстрелил в Жучку. Я ничего не понял, а только услышал грохот, увидел сноп пламени, ударивший из ствола.

Жучка закричала. Вернее, она завывала, но вой этот был страшен. Сердце моё испуганно напряглось. Жучка боком легла на снег. Шерсть её в одном месте стала тёмной и мокрой. Жучка дёргалась и смотрела на нас глазами, красными от закатных лучей солнца.

— Не смей! — заорал Серёга.

Он, спотыкаясь, побежал к Жучке. Одна лыжа соскочила и волочилась за ним. Не успел он пробежать и трёх шагов, как дядя Володя выстрелом из второго ствола добил собаку. Вой оборвался. Стало тихо.

— Вот так! — хрипло дыша, сказал дядя Володя.

— Зачем, зачем вы? — спросил я дрожащим голосом.

— Что ты с ним разговариваешь? — крикнул Серёга. — Это же гад, фашист!

— Ты кого обзываешь, щенок? — зарычал дядя Володя. — Меня? Да я тебе...

И он двинулся на Серёгу с кулаками.

Я видел худую спину дяди Володи и злого, взъерошенного, словно воробей, Серёгу. У ног его лежала мёртвая Жучка. Как копьё, он выставил вперёд лыжную палку. Шапка напозла Серёге на глаза, одной завязки на ней не хватало. Я сорвал с плеча старую берданку:

— Не тронь Серёгу! А то я...

Слова застряли в горле, из глаз полились слёзы.

Дядя Володя вздрогнул, медленно повернулся ко мне. И сразу руки мои задрожали, ружьё шлёпнулось в снег.

Дядя Володя подошёл ко мне. Я закрыл лицо руками, думал, ударит. Холодная его рука пролезла под шапку, нащупала моё ухо и сильно крутанула.

— Шпана! Бандиты! — шипел он. — Всё расскажу родителям, пусть вас выпорют. В школу сообщу, в милицию! Ишь что удумали — оружием угрожать! Этак вы и застрелить можете. Из таких вот сопляков и получаются преступники, рецидивисты всякие...

Дядя Володя бросил моё ухо, высморкался и пошёл на своих неуклюжих лыжах в сторону села. Вскоре фигура в белом халате растаяла в темноте.

У меня всё ещё текли слезы, я вытирал их колючим рукавом пальто. Хотелось заплакать по-настоящему, в голос, но при Серёге было стыдно.

Мёртвая Жучка была тяжёлой. Мы похоронили её в сугробе, навалили снежный могильный холм, бабахнули из двух ружей прощальный салют.

Мы с Серёгой больше не ходим на охоту, хотя лисы и зайцы водятся в наших краях. Серёгино ружьё лежит в сарае на полке. Оно постарело, запылилось, стало такое же плохое, как и моё.